

ИСТОРИОГРАФИЯ

«ЕСЛИ ЭТО ОПУБЛИКОВАТЬ, ОНИ ВАС РАЗОРВУТ...» БЕСЕДА С И.Н. ОСИНОВСКИМ

Изучение истории Франции российскими исследователями неоднократно становилось темой статей Ф.Е. Наследие выдающихся ученых – В.П. Волгина, С.Д. Сказкина, Б.Ф. Поршнева, А.З. Манфреда, В.М. Далина и сегодня вызывает интерес у научного сообщества и в России, и за рубежом. Тем не менее многие драматические страницы истории советского франковедения, находившегося «на особом счету» у высокого партийного руководства, остаются, к сожалению, неизвестны широкому читателю.

Одним из активных участников многих драматических событий советской научной жизни 50–80-х гг. был известный специалист по истории общественной мысли эпохи Возрождения, доктор исторических наук, профессор Игорь Николаевич Осиновский. Более пятидесяти лет он плодотворно занимается исследованием и публикацией культурного наследия Томаса Мора и его современников, изучением историографии истории Средних веков и Возрождения. В 1956–1962 гг. Игорь Николаевич преподавал в Челябинском государственном педагогическом институте, впоследствии работал научным сотрудником в Государственном историческом музее. В 1962–1968 гг. – сотрудник Института истории АН СССР, с 1968 г. – Института всеобщей истории АН СССР (далее – ИВИ), на рубеже 1960–1970-х гг. – референт академика С.Д. Сказкина. Преподавал по совместительству в Московском государственном педагогическом институте им. В.И. Ленина.

Многие годы Игорь Николаевич был ученым секретарем редколлегии серии «Предшественники научного социализма»

(с 1991 г. – «Утописты и реформаторы»), секции «Генезис капитализма», рецензировал и редактировал многие выпуски сборника «Средние века». С 1990 г. И.Н. Осиновский – профессор Московского педагогического государственного университета, с 1998 г. преподает на историческом факультете Московского городского педагогического университета.

Автор более 80 научных работ, в том числе четырех монографий. Почетный работник высшего профессионального образования РФ.

В феврале 2010 г. Игорь Николаевич любезно согласился поделиться с читателями «Французского ежегодника» своими воспоминаниями о перипетиях развития советской исторической науки, свидетелем которым ему довелось быть.

А.А. Митрофанов

А.М.: Игорь Николаевич, «Французский ежегодник» не раз писал и публиковал воспоминания об ученых, определявших лицо советского франковедения: А.В. Адо, В.М. Далине, А.З. Манфреде, Б.Ф. Поршневе... Вы были непосредственным участником дискуссий 1960–1980-х гг., хорошо знали многих известных историков того времени. Если оценивать спустя годы научные проблемы и исследования тех лет, что Вам вспоминается в первую очередь?

И.О.: Прежде всего, хотелось бы сказать теплые слова об академике Сергее Даниловиче Сказкине¹, и не только потому, что мне довелось работать с ним более десяти лет в Институте истории АН СССР² и Отделении истории Академии наук, а также помогать ему в качестве референта.

Сергей Данилович был уникальным человеком, широчайшего кругозора. Помимо занятий исторической наукой, он чрезвычайно любил искусство, занимался живописью, музицировал. Великолепно знал философию, историю идей, читал даже лекции по истории культуры (но это было в то время мало востребовано в советской науке).

¹ С.Д. Сказкин (1890–1973) – выдающийся советский историк-медиевист, академик АН СССР (1958), действительный член Академии педагогических наук СССР. С 1920 г. преподавал в МГУ, с 1949 г. возглавлял кафедру истории средних веков МГУ и с 1962 г. – сектор истории средних веков Института истории АН СССР. Основные работы посвящены проблемам аграрных отношений, особенно во Франции XVI–XVIII вв., ересь, абсолютизму, Возрождению, а также истории международных отношений в Новое время. Автор и редактор учебников для вузов по истории Средних веков, автор глав в коллективных трудах («История дипломатии» (т. 1, 1941; 2 изд., т. 1, 1959), «Всемирная история» (т. 3, 1957; т. 4, 1958), «История Франции» (т. 1, 1972).

² С 1968 г. – в ИВИ.

Самая главная его работа – вышедшая в конце 1920-х гг. книга «Конец австро-русского-германского союза. Исследование по истории русско-германских и русско-австрийских отношений в связи с восточным вопросом в 80-е годы XIX столетия». Это блестящее исследование было чрезвычайно популярно в Германии. Интересно, что, оказавшись в Кенигсберге после Великой Отечественной войны, он прямо на улицах разоренного войной города нашел один из экземпляров своей книги. Жалко, что издание под редакцией А.Л. Нарочницкого³ вышло с купюрами: убрали по политическим мотивам главу о болгарях...

Особое внимание Сергей Данилович уделял аграрной проблематике: истории крестьянства в Западной Европе, особенно во Франции. Ведь его учителем, а также учителем Е.А. Косминского⁴ и В.М. Лавровского⁵, был А.Н. Савин⁶ – блестящий специалист в области аграрной истории. Сказывалась и школа Р.Ю. Виппера⁷. Однако это увлечение, вероятно, объяснялось не только особой школой, но и его происхождением – Сказкин был родом из донских казаков. Мне этот интерес видится очень похожим на своеобразный научный вариант народничества. Помню, на даче в подмосковном Кратово у него висело огромное полотно (копия картины какого-то известного художника, выполненная самим Сказкиным): уходящий вдаль горизонт, черная земля

³ А.Л. Нарочницкий (1907-1989) – академик АН СССР (1972), заслуженный деятель науки РСФСР. Специалист по внешней политике России, истории дипломатии Нового времени, автор и редактор фундаментальных трудов по международным отношениям, руководитель издания дипломатических документов. В 1974-1979 гг. директор Института истории СССР АН СССР.

⁴ Е.А. Косминский (1886-1959) – российский и советский историк-медиевист, академик АН СССР, специалист по истории феодализма и аграрной истории Англии XI-XV вв., историографии. Заведующий кафедрой истории Средних веков в МГУ (1934-1949) и сектором истории Средних веков в Институте истории АН СССР (1936-1952).

⁵ В.М. Лавровский (1891-1971) – специалист по аграрной и социально-экономической истории Англии позднего Средневековья и Нового времени, доктор исторических наук, профессор. Сотрудник Института истории АН СССР (1955-1963). В разные периоды преподавал в МГУ, в Нижегородском педагогическом институте, в Московском финансово-экономическом институте, в Институте философии, литературы и истории.

⁶ А.Н. Савин (1873-1923) – российский историк, ученик П. Г. Виноградова. Преподаватель Высших женских курсов, затем Московского университета. Специалист по истории Средних веков и Нового времени, социально-экономических отношений в английской деревне, автор ряда лекционных курсов, в том числе по истории Английской революции XVII в. В его семинарах занимались Е. А. Косминский, С. Д. Сказкин, В. М. Лавровский.

⁷ Р.Ю. Виппер (1859-1954) – российский и советский историк, ученик В.И. Герье, В.О. Ключевского, С.М. Соловьёва, академик АН СССР. В 1924-1941 гг. жил и работал в Латвии, автор исследований и обобщающих работ по истории христианства, античности, Европы в период Средних веков и Нового времени.

и пашущий крестьянин. Видимо, дорог ему был дух казачества, крестьянства. Он неким образом все время чувствовал долг перед народом-кормильцем.

Но и это не все. У Сказкина были интересы и в области истории религии, например, средневековых ересей. «Знаете, – говорил он мне, – я, наверное, единственный человек, который в нашем отечестве прочитал все сочинения Фомы Аквинского от доски до доски. И не могу вам сказать, что я все понял». При том, что это говорил человек, который прекрасно знал латинский язык и философию. В советское время вряд ли кто-то, кроме него, из действующих медиевистов мог так сказать.

Не случайно на международном конгрессе исторических наук в 1955 г. в Риме ему аплодировали, а *L'Osservatore Romano* отметила его доклад о восстании Дольчино⁸. В то время это было опасное признание заслуг. Ведь это похвала в Ватикане! В печатном органе наших «идеологических противников». А если тебя хвалит идеологический противник, значит, ты своими трудами льешь воду на чужую мельницу. Вот так полагали недоброжелатели Сергея Даниловича, в частности, Борис Федорович Поршнева.

А.М.: Да, ведь их отношения нередко были напряженными?

И.О.: Мне рассказывали, когда у Поршнева был сердечный приступ незадолго до смерти, он обронил такую фразу: «Вот я лежу здесь в постели, а в это время буржуазный либерал Сказкин хулиганит».

Но интересно, что на выборах в Академию наук Сказкин голосовал за Поршнева. Тогда перед выборами по традиции кандидаты лично заручались поддержкой действующих академиков. Приходил к Сказкину и Алексей Леонтьевич Нарочницкий. И спустя какое-то время Сказкин сам сказал мне:

– А вы знаете, я ведь не за Нарочницкого голосовал, а за Поршнева.

– Почему? – спрашиваю.

– Мне его жалко, – отвечает Сергей Данилович.

А вот еще одному случаю из отношений Сказкина и Поршнева я был свидетелем. Однажды в коридоре Института подходит к нему Поршнева, берет его за пуговицу и говорит:

– Сергей Данилович, у меня «ребенок» родился, новая

⁸ Восстание под предводительством Дольчино в северо-западной Италии (1304-1307) – одно из крупных народных восстаний в Европе XIV в. Идеология восстания близка к ереси «апостольских братьев», критиковавших духовенство, требовавших возвращения к временам раннего христианства. В результате Крестового похода восстание было разгромлено в 1307 г.

работа появилась. Будет ее обсуждение. Я вас очень прошу, не приходите.

– Пожалуйста! – отвечает Сказкин.

А.М.: Это, видимо, было связано с научным содержанием работ Поршнева?

И.О.: Все, кто его знал, помнят, что это был творческий человек, «возмутитель спокойствия». А какая же это наука, когда все гладко и спокойно? Хотя часто Поршневу, можно сказать, насильно вставляли источник. Идеи у него как бы бежали впереди. Зарубежным историкам, во Франции, он был хорошо известен, а у нас ему во многом помогла Сталинская премия 1949 г., полученная за книгу о народных восстаниях перед Фрондой.

Сталинская премия была, безусловно, символом признания, но в то же время наделяла реальным «капиталом». Например, я слышал такой рассказ об обсуждении книги Поршнева. В ней были помещены репродукции французских рукописей XVII в. Из Ленинграда приехала А.Д. Люблинская⁹. И вот в увеличенном формате зрителям показывают несколько фрагментов этих рукописей. Читать их довольно сложно, но Люблинская была признанным специалистом в области палеографии. Она сразу увидела некоторую несуразность в переводе и сказала об этом. Поршневу прореагировал на весьма спокойно и в свою очередь спросил: «Вы полагаете, что присуждение Сталинской премии автору – это ошибка?» Никто, конечно, не захотел продолжать разговор в таком ключе.

Поршневу активно пропагандировал значение трудов Сталина для понимания роли классовой борьбы в Средние века¹⁰. Началось все со знаменитой речи Сталина перед колхозниками-ударниками в середине 1930-х гг., в которой прозвучали слова о «революции рабов и колонов, с громом опрокинувших Рим». Историка тех лет, конечно, не могли обойти вниманием такой тезис.

⁹ А.Д. Люблинская (1902-1980) – советский историк-медиевист, палеограф, архивист, специалист по источниковедению. Ученица И. М. Гревса, О. А. Добиаш-Рожественской, Л. П. Карсавина. Основные научные труды посвящены истории Франции XVI–XVII вв.

¹⁰ В 1949 г. Б.Ф. Поршневу писал: «Пришло время медиевистам, следуя руководящему сталинскому указанию, сосредоточить внимание именно на крестьянской борьбе и показать, что она-то и была основной силой, принуждавшей развиваться в течение веков феодальное общество, государство и мировоззрение. Не менее важно показать, что та же крестьянская борьба была и основной силой революции, уничтожившей, в конце концов, феодализм». — *Поршнев Б.Ф.* История Средних веков и указания товарища Сталина об «основной черте» феодального общества // Известия Академии наук СССР. Серия история и философия. 1949. Т. 6. № 6. С. 525. Подробнее см.: *Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н.* Б.Ф. Поршнев в дискуссии о роли классовой борьбы в истории (1948-1953) // ФЕ. 2007. М., 2007 С. 34-54.

А.М.: Одна из важнейших тем в творчестве Бориса Федоровича – история общественной мысли. Как он реагировал на то, что в 1960-х гг. появилось новое поколение молодых ученых, которые занимались истоками марксизма и социалистических учений на материалах Возрождения, Раннего нового времени?

И.О.: Он очень внимательно следил за работами в этой области, так же как и по проблемам генезиса капитализма. Поршневу прекрасно знал политэкономия; я был даже уверен, что он партийный человек (хотя это и не так). Он разбирался в теории, превосходно знал Маркса и Энгельса. Сейчас этого нет даже у тех, кто рассматривает магистральные исторические проблемы. Несправедливо недооценивают, скажем, научные тексты Энгельса о древних германцах, хотя они исторические, а не политические. У нас как в поговорке: обожглись на молоке, дуют на воду. Поршневу же был представителем серьезной школы и научной традиции.

А.М.: Сказалось ли как-то на отношении к Вам Бориса Федоровича то, что Вы тесно сотрудничали со Сказкиным?

И.О.: Могу рассказать такой случай, который был связан с моим исследованием о Томасе Море. Незадолго до своей смерти, в 1972 г., Поршневу высказал в Институте идею о том, что я непременно должен сделать доклад по Томасу Морю в секторе Истории общественной мысли, которым он руководил. Сам я тогда числился в секторе Средних веков, но подготовил большую статью «Томас Мор – гуманист и политик»¹¹ для журнала «Новая и новейшая история». Было очевидно, что у Бориса Федоровича (члена редколлегии НиНИ) имелись какие-то возражения по моей теме, и он, так сказать, «взял меня на прицел». Алексей Леонтьевич Нарочницкий мне говорил об этом: «Слушайте, Игорь Николаевич, надо что-то делать. Вам нужно выступить».

В тот период я уже около десяти лет работал референтом Сказкина, и, наверное, Поршневу полагал, что я пишу о Море как бы со слов Сказкина. В этом была очень сильна и идеологическая составляющая, Поршневу чрезвычайно ревниво относился к признанной репутации и научному авторитету С.Д. Сказкина.

И вот вскоре после этого эпизода с Нарочницким ко мне обращаются Геннадий Семенович Кучеренко и Альфред Энгельбертович Штекли¹²: «Борис Федорович настаивает, чтобы ты

¹¹ НиНИ. 1973. № 2. С. 115-126; № 3. С. 107-121.

¹² Г.С. Кучеренко (1932-1997) и А.Э. Штекли (1924-2010) – видные специалисты по истории западноевропейской общественной мысли Нового времени, сотрудники ИВИ.

пришел и выступил с докладом о Томасе Море в секторе истории общественной мысли». Я согласился. Вскоре последовало напоминание: «Ты нас не подведи. Обязательно приходи. Борис Федорович очень обеспокоен. Он сейчас отдыхает в Узком, в “кошкином доме”¹³. Учти, Борис Федорович прервет отпуск и придет специально на твой доклад, так что не подведи». Мне показалась эта ситуация странной, ведь никакой сенсации в моем докладе не могло быть – вполне обычный доклад. Я так им и ответил: «Сделаю, чего мне бояться?»

Наконец в какой-то из присутственных дней в Институте всеобщей истории (он тогда располагался на улице Дмитрия Ульянова, 19) кто-то из них мне говорит: «Слушай, Борис Федорович специально приехал. Сейчас он сидит у нас в столовой и волнуется, как бы не сорвался твой доклад. Вот ты сейчас пойдешь в столовую и подтверди, что будешь выступать». Я спускаюсь вниз, в столовую, там за столиком сидят Поршневы и известный германист – наш «Штирлиц» – Давидович¹⁴. Подхожу к ним: «Здравствуйте, Борис Федорович. Вы беспокоились, чтобы не сорвалось заседание, так вот, я подтверждаю, доклад состоится».

Он вздрогнул и чувствую: вилка у него от волнения стала по тарелке беспокойно постукивать. И, обращаясь не ко мне, а к Давидовичу, он говорит: «Понимаешь, какая штука. Все, что нам нужно знать про Томаса Мора, мы уже знаем, потому что об этом писал Волгин¹⁵. А вот молодой человек что-то нам еще хочет сказать». И добавил, обращаясь уже ко мне: «Вы приходите. Мы вам поможем!»

Я недоумеваю: «Борис Федорович, а почему бы мне не прийти. Я же только в самом начале пути. Поэтому любая ваша реплика, любая ваша критика, она мне не на погибель и не по-

¹³ Так в санатории «Узкое», где отдыхали сотрудники Академии наук, называли один из корпусов, обитатели которого одно время подкармливали местных кошек. Там Поршневы провели свои последние дни и там же скончались.

¹⁴ Д.С. Давидович (1907-1990) – советский историк-германист, доктор исторических наук. В 1927-1936 гг. сотрудник аппарата Исполкома Коминтерна, вел подпольную работу за рубежом, был личным переводчиком Э. Тельмана. В 1937-1953 гг. заведующий редакцией истории Учпедгиза, в 1941-1945 гг. – во фронтовой печати и на политработе в войсках. С 1964 г. научный сотрудник Института истории АН СССР, затем – ИВИ. Автор работ по истории Германии, антифашистской борьбы, международного рабочего движения и международных отношений.

¹⁵ В.П. Волгин (1879-1962) – академик АН СССР, общественный и политический деятель. Участник революционного движения. В 1921-1923 гг. председатель совета по высшей школе. В 1921-1925 гг. ректор МГУ. В 1930-1935 гг. академик-секретарь, а в 1942-1952 гг. – вице-президент АН СССР. Автор многочисленных исследований по истории социалистических идей и общественной мысли Нового времени.

меха. От кого же мне еще слушать суждения, как не от человека вашего уровня и широты взглядов». Тогда он меня спрашивает: «Скажите, а Сказкин читает ваши работы? Вы ему показываете?» Я отвечаю: «Когда работа выходит, то я ему показываю, читает. Когда написано что-то, тогда мы обсуждаем». Мне показалось, что после этих моих слов у Поршнева изменилось настроение, наступило какое-то разочарование.

Обсуждение доклада о Море в Институте прошло очень спокойно. Поршневу выступал как-то вяло. Но резюме было вполне позитивное, поощряющее дальнейшую работу. Хотя он вновь отметил, что все главное о Море мы уже знаем из трудов В.П. Волгина.

Помню, тогда проходила варварская акция уценки книг (то, что залеживалось, распродала за бесценок), и я купил одну из книг Бориса Федоровича за 15 или 20 копеек. И вот после доклада я подошел к нему, и он любезно подписал мне свою книгу.

А.М.: А как реагировал Сергей Данилович на Ваши исследования? Особенно если учесть пристальное внимание партийного руководства к идеологически важным темам?

И.О.: На самом деле Сказкин читал мои работы и очень переживал за меня, поскольку меня интересовала не столько «Утопия» и утопический социализм, но идейное наследие Мора в целом, в частности его теологические взгляды и отношение к Реформации.

Но всякое бывало. Однажды прихожу к Сергею Даниловичу, а он мне говорит:

– Вы знаете, Игорь Николаевич, я из-за вас целую ночь не спал. Вы тут пишете о влиянии католицизма на «Утопию» Томаса Мора. Если это опубликовать, они вас разорвут.

– Почему? – спрашиваю я.

В том тексте я, с одной стороны, опровергал католических авторов, с другой – пытался утопический коммунизм Мора объяснить с позиций христианского универсализма, приверженцем которого и был автор «Утопии».

– А, вот, разорвут, – повторил Сказкин, и продолжил: – Я все думал, как бы смягчить вашу работу. Если согласитесь, возьмите вот этот абзац, который я написал.

Текст Сказкина сводился к тому, что Мор, конечно, хорошо понимал невежество духовенства, порочность римской церкви, не идеализировал католицизм. Потом я вставил этот небольшой абзац в свою маленькую книжку 1974 г. в память о нем. Сказкин был для меня не просто руководителем. Он был моим другом.

А.М.: Но опасения Сергея Даниловича были обоснованны?

И.О.: Давление сверху ощущалось постоянно. Например, в комментариях к «Утопии» Мора, изданной в 1978 г., нами с переводчиком Ю.М. Каган была допущена одна-единственная аналогия с Ветхим Заветом. Штекли немедленно среагировал и сообщил мне, что в результате такой оплошности разгорается скандал и отвечать по всей строгости будет ответственный редактор тома. А возглавлял эту серию («Предшественники научного социализма»), сам Нарочницкий, имевший репутацию очень «серьезного» человека. Мне намекнули, что, если этот «сигнал» о неуместной ссылке на Библию дойдет до него, виновнику не сдобровать.

Помню еще, когда в конце 80-х гг. для серии «Предшественники научного социализма» А.В. Чудиновым была подготовлена книга «Эгалитаристские памфлеты в Англии середины XVIII века», состоявшая из двух сочинений – Э. Бёрка и Р. Уоллеса¹⁶, нужно было обосновать саму возможность выпустить эти произведения в нашей серии. Учитывая существовавшее в советской науке отношение к Бёрку как к фигуре однозначно реакционной, ситуация обещала быть непростой. Когда я докладывал об этой книге на Отделении истории, Нарочницкого на заседании сначала не было. Вдруг он появляется. Я чувствовал себя почти как уж на сковородке, доказывая, что речь идет о том этапе в биографии Бёрка, когда он еще не перешел на «реакционные» позиции в оценке Французской революции. И председатель серии с полным доверием ко мне, докладчику, согласился. Он был убежденный человек.

Хотя часто случалось, что книги заслуженных авторов подвергались значительным изменениям именно по решению Нарочницкого. Малейший намек на крамолу – и он менял текст. Так, например, получилось с одной из книг Н.А. Ерофеева¹⁷.

¹⁶ Эгалитаристские памфлеты в Англии середины XVIII в. / Пер. с англ., коммент., вступ. ст. А.В. Чудинова. Отв. ред. И.Н. Осинский. М., 1992. Бёрк Эдмунд (1729-1797) – английский политик, публицист, один из основоположников идеологии консерватизма. Его памфлет «Защита естественного общества», пародировавший социально критические труды лорда Болингброка, был опубликован в 1756 г. Уоллес Роберт (1697-1771) – английский священник, богослов, экономист. В 1761 г. опубликовал книгу «Некоторые размышления о человечестве природе и проведении», в которой набросал проект идеального общества, а потом доказал его неосуществимость.

¹⁷ Н.А. Ерофеев (1907-1996) – советский и российский историк-англовед, доктор исторических наук, работал в МГУ и ИВИ. Автор одного из первых отечественных исследований о национальных стереотипах. В интервью речь идет о книге: *Ерофеев Н.А. Что такое история?* М., 1976.

А.М.: Можете ли вы как-то прокомментировать роль академика Сказкина в критике книг А.Я. Гуревича?

И.О.: В одной из работ Гуревича излагается версия о том, как Сказкин, сформировавшийся как ученый еще в дореволюционные годы, стал марксистом. Будто бы вдруг от страха перед властью большевиков он впал в прострацию в 30-х гг., и потом этот страх сохранился в нем на всю жизнь. Но эта оценка далека от действительности и, наверное, слишком эмоциональна. Ведь на самом деле Сказкин мог оценивать Гуревича не только с позиций историка, но и знатока философских концепций, отнюдь не только марксистских.

Оценка Сказкиным первых трудов Арона Яковлевича Гуревича – выдающегося нашего ученого и просветителя – была философско-методологической, но совсем не догматической. Хотя, по мнению Сергея Даниловича, работы Гуревича, выполненные в рамках методологии позитивизма как аграрника-скадинависта, были прекрасны, но о тех, что основывались на базе презентизма, Сказкин говорил уже с некоторым сожалением: «Не философская голова, тут без немцев нельзя».

Кстати, существует версия о «доносе», который якобы написал Сказкин на Гуревича (известная со слов самого Гуревича). Никакого доноса на Гуревича Сказкин не писал. Хотя, наверное, спустя годы опровергать это в печати бессмысленно.

Ему, как члену редколлегии журнала «Вопросы истории», прислали статью Гуревича на рецензирование. Он подал свое мнение. А потом какой-то доброжелатель из редколлегии дал почитать этот отзыв Гуревичу: вот, мол, что про вас Сказкин написал. Я не знаю, кто это был. В то время использовались анонимные или так называемые «черные» рецензенты. Например, когда я писал о Томасе Карлейле, мне так и не удалось узнать, кто на меня писал отзыв. А в другом случае, гораздо позже, я узнал, что Н.Ф. Колесницкий¹⁸ был «черным» рецензентом моей книги. Он сам рассказал об этом.

Вообще же с А.Я. Гуревичем в советской науке поступали несправедливо. Всегда.

В 1970 г. проводилось закрытое обсуждение его книги «Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе» (учебного пособия для вузов) по распоряжению самого министра про-

¹⁸ Н.Ф. Колесницкий (1910-1990) – советский историк-медиевист. Ученик А.И. Нусыхина, специалист по истории Германии раннего Средневековья.

свещения РСФСР А.И. Данилова¹⁹. Изначально целью такого собрания был «разгром наших идейных врагов». Разумеется, не могло идти и речи о том, чтобы на таком обсуждении присутствовал обсуждаемый автор или посторонние. Так получилось, что на этом обсуждении книги А.Я. Гуревича в МГУ на Ленинских горах из «неприглашенных» присутствовал только я один, и то лишь потому, что сопровождал Сергея Даниловича. Внизу участников мероприятия встречал Ю.М. Сапрыкин²⁰. Увидев меня вместе со Сказкиным, он произнес: «А его мы не приглашали». На это Сергей Данилович ответил: «А он со мной». Атмосфера мероприятия была напряженной, многие участники как бы сами «заводили» друг друга. Но Сказкин выступал спокойно, просто освещал разные аспекты творчества Гуревича.

Однако в частных беседах Сергей Данилович, бывало, иронично говорил о Гуревиче, мол, «что ему книжка последняя скажет, то ему сверху на сердце и ляжет». Это было связано с разным философским подходом, ведь, по мнению Сказкина, «презентизм – это позапрошлогодний снег», и «не в американской и английской философии историку нужно искать основания, а у немцев».

Я помню, как С.Д. Сказкин относился к попытке интерпретации средневекового сознания А.Я. Гуревичем, в частности, к вопросу о восприятии времени: «Какая теория времени у мужика? ...Взошло солнце, зашло солнце, и день прошел. Вот и вся теория времени». А можно теоретизировать здесь бесконечно. Все это он говорил в том смысле, что очень много может быть в такой интерпретации натяжек, неожиданных и далеких от реальности. Я ему в таких случаях возражал, ведь Гуревич – это наш просветитель, ученый с очень большим кругозором. Но Сказкин имел право это говорить.

А.М.: Вы сказали, что Сказкин ценил работы Гуревича по аграрной истории. А как вы думаете, сохранилась ли та богатая научная традиция, которой славилась советская историческая наука в этом отношении? И возможно ли ее сохранение в условиях отказа от марксистской концепции истории?

¹⁹ А.И. Данилов (1916-1980) – советский историк, доктор исторических наук, профессор, действительный член АПН СССР, заслуженный деятель науки РСФСР, министр просвещения РСФСР (1967-1980). С 1961 по 1967 гг. – ректор Томского университета. С 1973 г. – ответственный редактор сборника «Средние века», зав. кафедрой истории средних веков МГУ. Специалист по историографии всеобщей истории, методологии истории.

²⁰ Ю.М. Сапрыкин (1913-1998) – советский историк-медиевист, доктор исторических наук, профессор. Преподаватель исторического факультета МГУ (с 1949 г.), в 1953 г. и.о. декана факультета журналистики МГУ. Специалист по истории Ирландии и Англии.

И.О.: Не могу представить, как сегодня можно было бы заниматься историей генезиса капитализма, например, без 24-й главы «Капитала». У меня в курсе лекций по историографии всеобщей истории есть такая тема. Начало разработки этой проблематики: Карл Маркс, Вернер Зобмарт, Макс Вебер и Фернан Бродель. Сегодня по соответствующим сюжетам мало выходит работ. Единственная, кто принадлежит к этой научной традиции, – М.В. Винокурова²¹. Очень высокий уровень!

А ведь без изучения крестьянства невозможно вести серьезный разговор о феодализме. От проблемы специфики средневековой феодальной собственности не уйдешь, хотя школа «Анналов» страшно много сделала в этом отношении. Но заметьте, что Марк Блок, Леруа Ладюри, Бродель прекрасно знали Маркса, не отбрасывали его. Может быть, по части политической концепции в истории тогда были перегибы, но не по теории капитализма. Кто может с такой глубиной сейчас хотя бы близко подойти к социально-экономической истории?

Мечтой Сказкина было создание истории крестьянства Европы. И первый том был подготовлен еще при его жизни. Среди авторов были Гуревич, Ю.Л. Бессмертный²², А.И. Неусыхин²³, А.Р.Корсунский²⁴. Сергей Данилович был очень рад завершению книги и, прочитав том, сказал: «Превосходная работа!»

Обсуждение тома проходило уже после его смерти в Отделении истории Академии наук. И «наверху», в министерстве, видимо, было заранее принято решение «провалить» его на обсуждении. Приезжает министр А.И. Данилов и выступает достаточно жестко и бескомпромиссно. Назвал ряд глав в первом томе уступкой противникам, вот, мол, скажет что-то «какой-нибудь французик из Бордо», а наш Юрий Львович [Бессмертный] «перед ним реверансы делает». В общем, определил направление, как говорится, задал тон и уехал. Обсуждение пошло дальше в том же

²¹ М.В. Винокурова – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИВИ. Специалист по аграрной истории Англии Средних веков и Раннего нового времени.

²² Ю.Л. Бессмертный (1923-2000) – советский и российский ученый-медиевист, доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором ИВИ, специалист в области средневековой ментальности, истории повседневности, анализа исторических методов исследования.

²³ А.И. Неусыхин (1898-1969) – советский ученый, доктор исторических наук, профессор, специалист по социально-экономической истории раннего Средневековья, особое внимание уделял истории Германии.

²⁴ А.Р. Корсунский (1914-1980) – советский историк-медиевист, доктор исторических наук, профессор МГУ, занимался проблемами перехода от античного рабовладельческого общества к феодализму в Европе, историей средневековой Испании.

духе. Сапрыкин, например, заметил, что в главе А.И. Неусыхина о периоде Салической правды не показана классовая борьба в обществе древних германцев.

Я вовсе не собирался выступать в тот момент. Дело в том, что я тогда был парторгом сектора истории Средних веков ИВИ. Меня Юрий Львович Бессмертный убедил вступить в партию, чтобы, как он выразился, были «порядочные люди» в партийной ячейке. И вот после перерыва началось второе отделение обсуждения. Академик Л.В. Черепнин²⁵, проводивший заседание, обращается ко мне: «Игорь Николаевич, а у вас есть свое мнение?» Дело в том, что в выступлении Данилова прозвучал укор в адрес коллектива авторов первого тома, которые якобы использовали имя и авторитет покойного к тому времени академика Сказкина, высказывая собственные идеи, которые бы он не одобрил.

Я знал, что дело обстояло иначе и Сказкин этот том весь прочитал, поэтому выступил и отметил, что не вижу никаких методологических недостатков в томе, что, как всякий новаторский труд, том содержит какие-то редакторские недоделки, которые вполне допустимы. А еще сказал, что классов не было во времена Салической правды, что, конечно, не могло не задеть выступавших ранее. И так по каждому услышанному тезису я что-то сказал. Коснулся и текстов Корсунского, Бессмертного. Когда я закончил доклад и уже уходил с трибуны, сидевший в зале А.Я. Гуревич произнес: «А генералы-то остались без армии», имея в виду, что, вместо продолжения намеченной министром линии, обсуждение пошло по иному пути.

А.Н. Чистозвонов²⁶ – руководитель нашего сектора, – услышав мое выступление, побледнел и сказал, что «не берет ответственности за этот труд». На что Л.В. Черепнин ответил: «И не надо. Мы берем на себя ответственность». Но дальше обсуждение пошло в спокойном ритме.

Однако без последствий не обошлось. Из института в министерство почти сразу же позвонили и сообщили о моем выступлении. Сделал это Чистозвонов. А в то время я имел полставки в МГПИ им. В.И. Ленина. И вот мне сообщают, что в педагогическом институте я больше не работаю, так как туда, по указанию

²⁵ Л.В. Черепнин (1905-1977) – академик АН СССР, специалист в области истории России эпохи феодализма, истории представительных учреждений, источниковедения, историографии, вспомогательных исторических дисциплин.

²⁶ А.Н. Чистозвонов (1914-1998) – советский историк, специалист по истории Нидерландов XVI–XVII вв., в 70-х и 80-х гг. заведующий сектором истории Средних веков ИВИ.

министра, приезжала сама заведующая отделом кадров министерства и забрала мое личное дело из института.

Заведующая кафедрой в МГПИ Александра Андреевна Кириллова²⁷ ездила тогда в министерство, хотела поговорить с Даниловым об этой ситуации, но министр ее не принял. По селекторной связи один из высокопоставленных работников министерства в ее присутствии обратился к Данилову с просьбой ее принять, на что он ответил: «Нет, Александру Андреевну я принимать не буду, потому что она приехала защищать Осиневского, а он плохо себя вел». Так я вылетел с этой работы.

А.М.: А в Институте всеобщей истории санкций не было?

И.О. Сотрудники академического института в те годы воспринимались как «солдаты партии». Мне было трудно уйти из сектора истории Средних веков, так как я был парторг. Но все же я попросился к Г.С. Кучеренко, который после смерти Поршнева возглавил сектор истории общественной мысли. Он согласился взять меня только при согласии директора – академика Е.М. Жукова²⁸. Ситуация была почти безнадежной. С Чистозвоновым работать было дальше трудно. Он настаивал на том, что Гуревич не должен печататься в «Средних веках», так как это вредно с точки зрения марксистской методологии истории. Меня он обвинял в том, что я, как внутренний рецензент 37-го выпуска «Средних веков», якобы не заметил пороков в статье Гуревича. Он сказал, что на этот выпуск обратили внимание «наверху» и отметили: в статье Гуревича нет цитаты Энгельса о том, что в Средние века христианство было своеобразной формой идеологии господствующего класса. Я ответил, что как рецензент всего-навсего дал экспертное заключение на статьи в сборнике, а статья сама по себе хорошая, ведь Гуревич пишет не учебник, а научную статью. После этого Чистозвонов пошел в партком. При встрече в институте ко мне обратилась член парткома С.П. Пожарская²⁹: «Игорь Николаевич! Как Вы собираетесь отреагировать на критический сигнал

²⁷ А.А. Кириллова (1904-1984) – советский историк-медиевист, педагог. Ученица Н.П.Грацианского. В 1973-1984 гг. заведующая кафедрой истории Древнего мира и Средних веков МГПИ им. В.И. Ленина. Специалист по истории городов средневековой Англии.

²⁸ Е.М. Жуков (1907-1980) – историк-японист, академик АН СССР, в 1957-1971 гг. академик-секретарь Отделения истории АН СССР. В 1968-1980 гг. директор ИВИ. Автор работ по истории Японии, международных отношений, по общим методологическим вопросам истории.

²⁹ С.П. Пожарская – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник ИВИ РАН, автор многочисленных исследований по истории Испании XIX-XX вв.

сверху?» Я ответил, что никакого сигнала «сверху» я не слышал, только мнение Чистозвонова. Светлана Петровна настаивала на своем: «Не прикидывайтесь ребенком! Вы сигнал слышали? Думайте, как выйдете из этого положения».

Я уверен, что никто «наверху» не читал статью Гуревича, но Чистозвонов был своим человеком у консультантов из ЦК и мог повлиять на ситуацию, просто манипулируя своими связями. Неофициально он многих знал и многое мог сделать. И Чистозвонов требовал, чтобы я организовал коллективное обсуждение статьи Гуревича. Уже после разговора с С.П. Пожарской меня, а также Удальцову³⁰, пригласили к секретарю парткома института, где официально сообщили о «сигналах сверху» и предложили отреагировать. Секретарь парткома выслушал Чистозвонова, однако посоветовал не устраивать отдельное обсуждение работы Гуревича, а провести конференцию с широким обсуждением всего выпуска «Средних веков», где я должен был сделать доклад по всем статьям.

Вот на этой конференции как рецензент я и выступил с докладом обо всех статьях сборника, сказав, что, по моему мнению, никакой крамолы в статье Гуревича не было. Коснулся я в докладе и статьи самого Чистозвонова, в частности сказал, что в его материале о положении крестьянства в Нидерландах есть фраза о том, что «феодал был собственником движимого и недвижимого имущества», и указал на расхождения между его выводами и Марксом. Это вызвало бурную реакцию Чистозвонова, он побледнел и закричал: «Вместо того чтобы заниматься своим делом, он (Осиновский. – А.М.) занимается совместительством!». И тогда же потребовал вынести разгромную резолюцию конференции о «серьезных методологических недостатках» в работе редакции «Средних веков». А методологические ошибки на языке того времени означали полное перечеркивание результатов работы. И простым осуждением редакции и редакторов дело бы, конечно, не закончилось.

Тогда мы пошли в партком вместе с Зинаидой Владимировной Удальцовой. У нее тоже были сложности, так как ее критиковали за использование ее сотрудниками термина «континитет» в истории Византии. Но никакого решения в парткоме

³⁰ З.В. Удальцова (1918-1987) – член-корреспондент АН СССР, профессор МГУ, византист, автор работ по социально-экономической и политической истории Византии, вопросам византийской культуры, общим проблемам генезиса и типологии феодализма. Заведующая сектором истории Византии. В 1980-1987 гг. директор ИВИ.

принято не было. Секретарь отправила нас к директору института академику Жукову, что мы и сделали.

В кабинет директора мы пришли втроем: Удальцова, Чистозвонов и я. Я доложил о ситуации, пояснив, что замечания в адрес 37-го выпуска возможны, но требование Чистозвонова о вынесении жесткой резолюции по поводу методологии высказано только им и конференцией поддержано не было. Жуков посмотрел на Чистозвонова и в примиряющей манере сказал:

– Знаете, про методологические ошибки не надо, пожалуй...

– Ну, если вы считаете... – неохотно произнес Чистозвонов.

На этом дело и закончилось.

После столь серьезного разговора мне оставаться далее в секторе истории Средних веков было невозможно. Но дело тянулось еще долго: с трудом удалось провести партийное собрание, с участием заведующего сектором, на котором с меня сняли обязанности парторга. Потом я еще отдельно ходил к Жукову с просьбой о переходе в другой сектор и наконец получил его согласие.

Вот что такое академический институт в те времена – «верные солдаты партии».